

ТИМУР АТНАШЕВ, МИХАИЛ ВЕЛИЖЕВ*

История политических языков в России**

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация: В настоящей статье представлены *методологические основания* проекта по созданию истории русских общественно-политических языков. В своих размышлениях авторы опираются на подход Кембриджской школы интеллектуальной истории и предлагают развитие этой методологии с учетом опыта ее применения в контексте российской истории. Они дают определения ключевым понятиям и приводят примеры из отечественной и западноевропейской истории, иллюстрирующие теоретические принципы научного подхода. В целом история политической философии в этой перспективе сочетает два основных императива: (а) внимание к доступным языкам или репертуарам как предмету исследования; (б) анализ авторских интенций и риторических ходов внутри исторической ситуации, заданной языковыми конвенциями и высказываниями других участников полемики. Для применения данного подхода к российскому опыту оказываются важными определенные теоретические аспекты, которые почти не были проблематизированы в рамках Кембриджской школы: степень знакомства и доверия политических элит к письменной традиции политической философии, наличие работающих институтов публичной полемики, различные режимы публичности, регулирующие обсуждение политически значимых вопросов на локальном и национальном уровнях.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Кембриджская школа, Скиннер, Покок, история русского политического языка, режимы публичности.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-107-137.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

История понятий — одна из наиболее динамично развивающихся научных дисциплин в современной российской гуманитарии. Судьбе отдельных концептов в русском политическом лексиконе посвящены многочисленные работы отечественных и западных исследователей¹. За

*Атнашев Тимур Михайлович, PhD, доцент Института общественных наук, старший научный сотрудник Центра публичной политики и государственного управления ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва), atnashev-tm@granepa.ru; Велижев Михаил Брониславович, к. филол. н., PhD, профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), mvelizhev@hse.ru.

**© Атнашев, Т.; Велижев, М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Европейские судьбы..., 2011; Исторические понятия..., 2006; История понятий..., 2010; Как мы пишем историю?, 2013; Очерки..., 2009; Эволюция понятий, 2012; Понятия

последние тридцать лет отечественная историография и теория понятий сделали огромный шаг вперед. Мы пока не имеем подробного словаря политических терминов, подобного монументальным проектам «Основные исторические понятия. Исторический словарь политико-социального языка в Германии» О. Брюннера, Р. Козеллека и В. Конце² или «Словарь социально-политических понятий во Франции 1680–1820 годов» Р. Райхардта, однако сделанное в данной области позволяет адекватно описать основные понятийные регистры, доступные политикам в России начиная с древнего периода ее истории и заканчивая современностью.

Предмет настоящей статьи — методологические разыскания Кембриджской школы изучения политических языков — также не является новостью для российской науки³. Важными центрами изучения здесь выступают Европейский университет в Санкт-Петербурге, а также журналы «Логос», «Новое литературное обозрение» и «Полис». Существенно, что «кембриджская» методология уже применяется для анализа русскоязычного материала — прежде всего в связи с двумя сюжетами: республиканской традицией⁴ и политической историей XVIII — начала XIX вв.⁵ Однако мы убеждены, что теоретические работы представителей Кембриджской школы могут служить основанием при создании более масштабной по хронологии истории русских общественно-политических языков.

о России, 2012; *Понятие государства в четырех языках* 2002; «Правда», 2011; Хархордин, 2011; French and Russian in Imperial Russia, 2015; Wortman, 2018 и др. Кроме того, в настоящее время в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге под редакцией Д. Калугина выходит книжная серия «Азбука понятий», посвященная истории ключевых политических, социологических и экономических концептов. На данный момент в серии напечатаны шесть монографий: «Авторитет» (А. Марей), «Государство» (В. Волков), «Демократия» (А. Магун), «Деньги» (Ю. Вымятина), «История» (И. Курилла), «Нация» (А. Миллер). Особое внимание истории понятий уделяется в научных программах Германского исторического института в Москве (в частности, следует особо упомянуть о реализующемся сейчас проекте «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII века», координаторами которого являются С. Польской и В. Ржеуцкий). Подробнее также см.: Топычканов, 2016.

²Недавно в печати появился замечательный перевод на русский язык ключевых статей немецкого словаря: *Словарь основных исторических понятий* 2016.

³См. подробнее: Атнашев, Велижев, 2015; Рошин, 2006 и др.

⁴См., в частности: Что такое республиканская традиция, 2009.

⁵Здесь следует особо отметить работы К. Д. Бугрова, М. А. Киселева и Д. В. Тимофеева: Бугров, 2017; Бугров и Киселев, 2016; Тимофеев, 2011; 2015; 2016 и др.

В настоящей статье мы попытаемся очертить контуры методологической программы, способной лечь в основу проекта, который фокусировался бы уже не столько на реконструкции семантики отдельных понятий, сколько на воссоздании истории политических языков⁶. Сразу оговорим, что хронологическими рамками предлагаемого проекта служат Новое и (с оговорками, о которых см. ниже) Новейшее время. Представители Кембриджской школы изучали политические языки позднего Средневековья и Нового времени (включая XVIII в. в работах Дж. Г. А. Покока), их последователи из университета Сассекса (прежде всего, С. Коллини и Д. Уинч) — XIX столетия. Отметим, что ниже речь пойдет не столько о содержательных аспектах истории политических языков в России, сколько о методологии, позволяющей их идентифицировать и интерпретировать. Мы сознательно оставляем вне поля нашего внимания сюжет о взаимоотношениях Кембриджской школы с другими направлениями истории понятий (в частности, влиятельных немецкой *Begriffsgeschichte* или «археологии знания» М. Фуко) — он заслуживает специального анализа. Скажем лишь, что кембриджский метод, разумеется, является одним из возможных способов изучать политическую речь. Однако, на наш взгляд, его преимущества, актуальность и специфика не вполне оценены в российском контексте. Ниже мы попытаемся описать, в чем они состоят⁷. Кроме того, мы предлагаем усилить языковой подход Кембриджской школы обращением к понятию «режимы публичности», позволяющем соотнести лингвистические парадигмы со структурой публичной сферы в ту или иную историческую эпоху⁸.

⁶Подробнее см. подготовленные нами материалы блока статей, посвященного истории политических языков в России, в 134-м номере журнала «Новое литературное обозрение». С этим сюжетом также связан сборник статей «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории», который должен в ближайшее время выйти под редакцией авторов данной статьи в издательстве «Новое литературное обозрение».

⁷Ниже, при изложении методологической программы, мы осознанно избежали частого цитирования классиков Кембриджской школы или их оппонентов. Нам представляется, что наличие большого библиографического аппарата определенно противоречит целям нашей работы — максимально ясно эксплицировать наши представления о методе изучения политических языков, и способно усложнить или затемнить заявленную перспективу. Заметим, что обширная библиография вопроса приведена нами во вступительной статье к сборнику «Кембриджская школа», упомянутому в примечании 6.

⁸О теоретической основе наших размышлений см.: Атнашев, Велижев, 2018. Проблеме политического языка и публичной сферы посвящен целый ряд политологических исследований (см., например: Публичная сфера, 2013; Синдром публичной немоты, 2017). Кроме того, см. материалы, опубликованные в журнале «Полития»: Золян, 2018; Красин, 2004 и др.

Анализируя юридические, политические и политико-философские труды теоретиков от Макиавелли до Бёрка, Квентин Скиннер и Джон Покок воссоздали панораму забытой, но богатой смыслами интеллектуальной истории Западной Европы и Северной Америки. Скиннер и Покок обнаружили, сколь значимой была для формирования европейской политики неоримская и, шире, античная республиканская традиция. Как показали работы кембриджских историков, новые переводы, прочтения и критика канона античных республиканских текстов оказались одним из важных источников политических языков английской и американской революции.

Представители Кембриджской школы интерпретируют письменные тексты не как *выражение* общей теории, идеи, системы или внешних социальных факторов, а как инструменты воздействия автора на аудиторию в рамках общего конвенционального поля. Изучая текст как акт речевой коммуникации, можно получить ответ на целую серию вопросов: к кому обращался автор и как он хотел воздействовать на аудиторию своим высказыванием? Какие риторические средства, доступные в данном сообществе, он использовал? Какие речевые правила и конвенции соблюдал или нарушал?

Мы хотели бы противопоставить две возможные интерпретации понятия «политический язык». Во-первых, общий язык может быть истолкован как результат систематической работы достаточно узкой группы людей, занимающих властное положение, с политическим сообществом, которому язык транслируется и прививается (например, язык советской пропаганды или постсоветские попытки создать «национальную идею»). В таком случае речь идет об инструменте ассиметричного внешнего воздействия «сверху вниз». Действительно, государственная пропаганда формирует не только убеждения и лояльность политическому режиму, но и узнаваемый всеми членами социума язык, на котором можно доносить до аудитории принятые решения. Речь идет о своеобразном интерфейсе программирования политического поля, в отсутствие которого высшее политическое руководство не имеет под рукой важного ресурса коммуникации с обществом. Одновременно общность языка может формироваться и под воздействием сословной или национальной системы образования, транслирующей (элите или населению в целом) определенный канон политфилософских текстов.

Вторая точка зрения прямо не исключает, но существенно дополняет первую: общий политический язык появляется в результате полемики

и политической борьбы сопоставимых по силе, но несогласных друг с другом агентов, вовлеченных в дискуссию вокруг норм или конкретных решений. Авторы в своей речи и политическом поведении ориентируются на сложившиеся конвенции, имеющие силу в дискурсивном сообществе. Одновременно у каждого участника коммуникации сохраняется свобода перехватывать языковую инициативу, а не быть лишь пассивным объектом воздействия; изменять конвенции с помощью речи, обращенной к заинтересованной аудитории.

Таким образом, общий язык могут формировать не только официальные структуры. Этим заняты и система образовательных программ, транслирующая письменную традицию, и институты соревновательной публичной полемики (парламент, судебные заседания, клубы и ложи, семинары, заседания жильцов и пр.). В предлагаемой нами перспективе сообщество, где политические акторы полемизируют с помощью письменных текстов или устных речей для достижения политических целей, общий язык возникает в любом случае. Однако интенсивность коммуникаций, уровень вовлеченности ведущих политических акторов в дискуссию, степень публичности полемики могут существенно различаться. В этом смысле конвенциональное значение общих языков в конкретных сообществах и в различные периоды истории также изменчиво. Эта перспектива позволяет дополнить кембриджский подход понятием «режимов публичности», проблематизирующим изменения в самом характере общественной полемики и статусе общественно-политического высказывания.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК?

Вводя понятие «политического языка» в качестве основного термина исследовательской программы, необходимо сделать три замечания, имеющие для дальнейшего рассуждения фундаментальный характер. Во-первых, термин «политический язык» не относится к естественному языку — русскому, французскому, японскому или какому-нибудь иному. Он содержит ключевые слова и аргументы, которые используются при обсуждении методов и сути государственного управления и основ общества (прав и обязанностей людей, законов, устройства администраций и пр.) внутри одной и той же политической и языковой системы. С точки зрения «кембриджской» методологии, специфический и узнаваемый для членов сообщества набор слов, выражений и аргументов, позволяющий активно воздействовать друг на друга, формируется в ходе полемики или чтения одного и того же корпуса текстов, созданных в прошлом.

Когда мы говорим «русский политический язык» (в единственном или множественном числе), то имеем в виду тот арсенал риторических средств, которые задействованы участниками данного сообщества при обсуждении российской политики в определенный исторический период. Например, французский язык и присущие ему политические идиомы могли иметь статус одного из языков русской политики — так происходило в XVIII и XIX вв., когда часть образованных русских дворян предпочитала размышлять об окружающем мире прежде всего на французском языке.

Во-вторых, политический язык складывается из взаимодействий других социо-профессиональных языков и диалектов, имеющих хождение в политике. Например, можно представить, что политический спор ведется с использованием терминов и специфических оборотов из разных наук или дисциплин — экономики, права, психологии, теологии, физики (например, оптические метафоры, важные для риторики Т. Гоббса, или понятие революции, заимствованное из астрономии и геологии), философии, в том числе политической, истории или историософии⁹.

Покок также выделяет под-языки (sub-languages) (Поккок, Бондаренко и Климова, 2015: 51) отдельных идеологий — либерализма, республиканства, консерватизма или социализма. То же можно сказать и о языках религий и конфессий — христианства, ислама, иудаизма или конфуцианства (внутри каждой из которых необходимо выделить расходящиеся ветви и традиции). В политических текстах обнаруживаются и характерные идиомы, закрепленные за речью различных социальных групп, включая жаргоны и сленги, — корпоративный, аристократический, тюремный, блатной или просторечный.

Каждый из профессиональных языков сам по себе не является политическим, однако потенциально может таковым стать. Пространство политического языка подвижно и не имеет четких границ: одна и та же профессиональная идиома может входить в него на определенное время, благодаря инновациям и заимствованиям, а затем перемещаться вовне политической речи и забываться. Как считает Покок, нет текстов, созданных только на одном политическом языке. Политических языков много, и они — подобно нитям в узоре ткани — переплетаются между собой, образуя новые и новые конфигурации.

Самый интересный вопрос — как меняются узоры политической речи? Наиболее очевидный ответ состоит в том, что политические языки

⁹Пример дисциплинарного анализа научного языка см.: Макклоски, Якименко, 2015.

используют ресурсы других социо-профессиональных диалектов и естественного языка. Теоретики могут создавать новые констелляции из доступных им языковых средств и делать их популярными, наделять дополнительной легитимностью внутри политического поля. В настоящем номере публикуется перевод работы Покока о решающем значении языка прецедентного права и историографической традиции, изучавшей обычное право в Англии, для формирования целого ряда классических аргументов политической философии Эд. Бёрка.

Особого внимания требуют тексты, авторы которых не только обновляют политическую повестку, но и рассуждают о структуре самого политического языка. Речь о языке Покок называет термином «язык второго порядка». К такому типу высказываний относятся учебники политической риторики, однако рассуждения о том, как нам говорить о политике, можно встретить и в трактатах или научных статьях. Так, в эпоху перестройки публицисты обращали внимание на то, как сами они используют новую терминологию «исторического выбора» и «альтернатив». Большинство известных публицистов в этот период активно осваивают историософский язык для обсуждения политической повестки. Интеллектуальный поиск формировал языковой контекст, на который были вынуждены реагировать даже идеологически далекие от перестроечного мейнстрима авторы. Например, парафразируя в названии собственной статьи чрезвычайно влиятельный текст И. Клямкина «Какая улица ведет к храму?», обсуждавший возможность исторической альтернативы революции и советскому социализму, Ап. Кузьмин иронически замечал, что «сейчас все просчитывают альтернативы пути с 1929 года». Другой автор «Нашего современника» также использовал эти идиомы, указывая одновременно и на избыточность, и востребованность новой терминологии: «концепции лидеров, или, как сейчас говорят, альтернативы» (см.: Атнашев, 2017).

Собственно, формула «как сейчас говорят» — это типичный признак, свидетельствующий об отрефлексированной участниками полемики важности конкретной идиомы для данного сообщества в момент высказывания. В свою очередь оспаривание или утверждение современности, архаичности или модности конкретных понятий и выражений становится предметом полемики и элементов сознательной риторической стратегии публицистов.

Наконец, в-третьих, лингвистическое определение политики предполагает разделения двух уровней анализа — аналитического уровня «идей» и исторического уровня «языка». Возьмем термин «свобода»;

его значение, со всеми оговорками, можно сформулировать так: это «отсутствие принуждения *от* или *к*». Вместе с тем, как только «свобода» попадает в пространство политической полемики, она оказывается помещена в принципиально разные языковые контексты и может обрести прямо противоположный смысл. Общность используемого понятия стимулирует полемический характер каждого из употреблений. Так, в речах официальных проповедников первой половины XIX столетия свобода часто связывалась с внутренним миром человека и подчеркнуто отделялась от его социального бытия. Она заключалась прежде всего в добровольном выборе Христа, а сословная принадлежность индивида к свободе имела малое отношение. Свободным можно было стать, продолжая при этом находиться в крепостной зависимости, т. е. в состоянии, с юридической точки зрения близком рабству (см.: Атнашев, Велижев, 2016).

Этот тезис мог оспариваться несколькими способами: изнутри христианского дискурса, поскольку Христос также проповедовал равенство (Paperno, 1991), или исходя из республиканской морали, в которой социальное рабство граждан было принципиально несовместимо со свободой и достоинством. Если бы мы попытались говорить о свободе на юридическом языке, унаследованном от римской традиции, то христианские нравственные категории могли бы исчезнуть из нашего рассуждения. Дискуссия об экономической свободе также трактовала бы понятие на основе других ценностей — например, условий экономического развития государства. Наконец, мы могли бы рассуждать о свободе, используя ее локальные и исторически сложившиеся синонимы, скажем, «волю», и тогда контекст и смысл нашего высказывания вновь бы поменялся¹⁰. В целом, история русского политического языка, безусловно, поможет вновь открыть утраченные смыслы и языковые ходы, которые могут стать инструментами политической полемики и вне академического поля.

Итак, в зависимости от языковой среды и дискурсивного сообщества понятие способно радикально менять свою семантику: «свобода» может оправдывать как крепостное право, так и его отмену. Верно и обратное: можно быть политическими врагами и преследовать своего противника, но при этом говорить с ним на одном и том же политическом языке. Таков, например, случай скандала с первым «Философическим письмом» Чаадаева. Опубликованный в 1836 г. русский перевод письма

¹⁰Подробнее см. статью Вл. Коршакова в настоящем номере журнала.

оказался написанным на языке европейского консерватизма. Тот же самый язык тогда же послужил источником публичной речи для идеологов «православия, самодержавия и народности», чьи идеи Чаадаев в своем тексте систематически развенчивал. Потребность наказать Чаадаева и исключить его из официальной сферы коммуникации возникла, в частности, потому, что язык просвещенных защитников уваровской триады и речь остроумного салонного критика николаевской России неожиданно оказались похожими (Велижев, 2018).

Таким образом, для понимания смысла политического высказывания важно не только *что* говорится, но *как* и *зачем* это делал автор в ситуации полемики или диалога — в формулировке Скиннера, «что делал автор своим текстом?» (Skinner, 1969). Подобный ход позволяет сделать реконструкцию событий прошлого (а в пределе и настоящего) более историчной. Историк никогда не пишет на языке героев своего повествования, он «переводит» слова своих источников на научный язык современной историографии, который обычно воспринимается как нейтральный. Однако этот перевод нельзя принимать за оригинал. Как давно установлено, между речью источника и речью историка всегда существует разрыв. В этом свете внимание к политическим языкам позволяет максимальным образом историзировать метод и результаты научного исследования.

Переноса акцент на языки политического, мы даем представление не только о том, что они значат для нас сегодня (как «переводятся» на современный научный язык), но и о смысле авторского намерения и о том, как политическое высказывание могло восприниматься его первыми реципиентами. Таким образом, мы можем кратко определить политический язык как устойчивый набор идиом, относящихся к нескольким профессиональным и социальным регистрам и опознаваемых участниками политического сообщества как значимые. Читатель текста, не знакомый с распространенными в данном политическом языке идиомами, не сможет понять смысла высказывания. Задача историка — скрупулезно реконструировать репертуары политических языков, значимых для конкретного периода и сообщества.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ И АКТУАЛЬНОСТИ «КЕМБРИДЖСКОГО» МЕТОДА: ПОЧЕМУ ТЕКСТ — ЭТО ВЫСКАЗЫВАНИЕ, А НЕ ИДЕЯ

Словосочетание «политический язык» постулирует политику как речевую деятельность. Именно в этом состоит особенность подхода к изучению политических языков Кембриджской школы в сравнении

с другими влиятельными направлениями второй половины XX в. Методологическая идентичность школы заслуживает особого разговора: благо многие исследователи сближают кембриджский подход с иначе устроенной, на наш взгляд, немецкой *Begriffsgeschichte*¹¹ и, шире, с лингвистическим поворотом в послевоенной западной историографии.

Действительно, в основе ряда современных подходов лежит критика утверждения, что «идеи» или «мысли» существуют самостоятельно и как бы материализуются в политических текстах. В ранних статьях Скиннер и Покок оспаривали представления о том, что «идеи» вообще могут быть предметом методологически ответственного исторического исследования, поскольку они не существуют в виде «вечных» и «идеальных» смысловых единиц, которые разные мыслители по очереди интерпретируют.

Представления об самодовлеющем характере «идей» в расхожих представлениях часто возводят к идеализму Платона. Однако Платон преподавал учение об идеях вместе с анализом апорий, связанных с гипостазированием идей, а историческая оптика была заведомо неадекватным средством их рассмотрения. Для учеников Академии идею государства или справедливости необходимо было созерцать (в себе) или осознавать в диалоге с учителем, а не реконструировать в историческом процессе. Существенно позже гегелевская философия истории дала новую схему, в которой исторический процесс разворачивал идеальную диалектику. Таким образом, изучение истории оказывалось одновременно изучением диалектики духа.

Однако спекулятивная историософия Гегеля и многочисленные альтернативные версии философии истории в середине XX в. вошли в противоречие с новой чувствительностью к уникальному значению и статусу высказывания, в частности в работах теоретиков Венского кружка, Л. Витгенштейна и других представителей аналитической философии. Вместо реконструкции «идей», имеющих внутреннее идеальное основание и целостность, было предложено анализировать прагматику коммуникации, в которой язык может быть интерпретирован как инструмент. Представители Кембриджской школы использовали представление о прагматике высказывания в методологии истории политических языков. Ключевым здесь оказался *контекст* (исторический и «лингвистический»), реконструкция которого необходима для понимания

¹¹См. недавний пример: (Марасинова, 2017: 13).

оригинального смысла классических текстов. Последовательное разделение на историю политической философии, нацеленной на воссоздание исходного значения текста, и жанр политической философии от первого лица, который может произвольно обращаться с текстами и авторами прошлого, стало одним из следствий этого сдвига. Так, Скиннер выступает как историк политических языков и (существенно реже) как политический философ-республиканец, но для него принципиально важной является дистанция между двумя ролями и допустимыми в каждом из интеллектуальных полей высказываниями и аргументами.

При анализе политических языков в «кембриджском» духе существенны еще два обстоятельства: общий для авторов язык, который задает нормативные полюса высказывания и ограничивает авторский репертуар, и речь самих акторов. Старое «до-фуколдианское» значение слова «дискурс» на французском языке очень близко понятию «речь» в смысле индивидуального авторского высказывания, обращенного к публике. Покок пишет о способности авторов к языковой инновации, у которой может быть разная судьба: она способна стать источником нового узуса или остаться непонятной для собеседников. Скиннер говорит об авторской интенции, заключенной в тексте, как основном мотиве речевого акта, который может быть реконструирован историком. Признание примата внешних структур языка или индивидуальной авторской речи, которая становится политическим действием, — это вопрос личных предпочтений исследователя и его фундаментальных представлений о том, как устроена общественная жизнь.

Второй методологической особенностью Кембриджской школы представляется внимание к общему языку как единственному легитимному каналу прямой передачи и взаимного влияния (традиции). Аналогичные по смыслу утверждения о власти монарха или ценности выборных процедур, сделанные разными авторами в разных контекстах, не представляют собой историю «одной и той же мысли». Текстуальные или смысловые совпадения в текстах Лао Цзы и ранних греческих философов — это лишь исходная точка исследования о возможных связях, требующая куда более фундированного и сильного исторического истолкования. Сами по себе совпадение или близость аргументов, высказанных на разных общественно-политических языках, не являются предметом анализа именно по причине того, что предполагаемая идейная общность двух текстов в данном случае оказывается реконструкцией их предполагаемой общей «идеи», которая вне общего языка и традиции не имеет самостоятельного статуса. Политическая философия интерпретируется,

таким образом, как история особого типа политических коммуникаций, опосредованных письменной традицией.

Как работает это опосредование? Вовлекаясь в полемику, обе стороны негласно соглашаются с тем, что они будут не только воздействовать друг на друга силой оружия, экономического интереса, традиции или статуса, но и разделять определенные языковые конвенции. Общий язык позволяет говорящему одобрять, порицать или изменять поведение участников общения в политической борьбе с помощью речевых средств. Слушатели готовы корректировать свое политическое поведение. Порой они не могут не ответить на удачный аргумент, высказанный на понятном аудитории языке и в рамках сложившихся конвенций. Отказ говорить на языке «оппонента» снижает шанс быть понятым. Напротив, разговор на чужом языке повышает перспективу оказаться услышанным и при этом вовлекает говорящего в тонкую паутину смыслов и норм, которая изначально ему чужда.

Дополнительным ингредиентом, облегчающим коммуникацию, оказывается общий корпус текстов, которые, в принципе, могут относиться к разным жанрам. Мифы и поэмы Гомера, античные диалоги и трактаты, книга Перемен, Тора, Дигесты Юстиниана, книги Библии, творения Аристотеля и труды святых отцов, собрания сочинений Маркса, Энгельса и Ленина — все они в разное время становились основой соревновательных дискурсивных практик, закладывая основы политических языков.

Итак, историк может исследовать как классические, так и менее известные тексты (именно на фоне сочинений второстепенных авторов «классическое» творение становится «классическим») как акты политической коммуникации *особого типа* — между свободными в своих высказываниях и самостоятельными людьми, разделяющими ряд языковых конвенций. Понимание текстов как инструмента полемики, убеждения, противоборства или, в широком смысле, общения показывает ключевую роль «языка», на котором пишущий общается со своей аудиторией. Разделяемый сообществом язык, с одной стороны, и индивидуальная намеренная речь авторов, с другой, задают первичную логику для понимания «реальности» в жанре политической философии.

Итак, письменный характер полемики образованных людей оказывается способом постоянного возвращения и возобновления доступного набора традиций, сформированного корпусом «классических» для данного сообщества текстов. Дискуссия между участниками политической борьбы, поддерживаемая особыми соревновательными институтами, приводит к согласию и дебатам вокруг разных сюжетов — признанию

силы аргументов и авторитета значимого для сообщества канона или традиции.

ПОЛИТИКА КАК ПРОИЗВОДСТВО АВТОРИТЕТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Приведем определение, наиболее продуктивно с нашей точки зрения репрезентирующее смысл лингвистической парадигмы политического жеста. Оно принадлежит американскому историку К. М. Бейкеру, известному специалисту по европейской политической культуре XVIII в., и взято из его книги «Изобретая Французскую революцию» (1990); таким образом, дефиниция Бейкера относится к политической реальности Франции Старого порядка. В своей концепции политического Бейкер ссылается на несколько научных традиций, одна из которых — Кембриджская школа. Историк пишет:

Политика состоит в производстве высказываний (making claims); это деятельность, с помощью которой индивиды и группы в любом обществе артикулируют, обсуждают, претворяют в жизнь и подкрепляют конкурирующие между собой высказывания друг о друге и о сообществе в целом. В этом смысле политическая культура есть набор дискурсов или символических практик, с помощью которых производятся высказывания. Она включает определения соответствующих субъектных позиций (subject-positions), с которых индивиды или группы могут (или не могут) на легитимных основаниях формулировать высказывания друг о друге, и, следовательно, определения идентичности и границ сообщества, к которому они принадлежат. Политическая культура формирует значения тех понятий, через которые произносятся высказывания, природу контекстов, к которым они принадлежат, и авторитет принципов, согласно которым они связываются между собой. Она создает структуру и наделяет властью действия и процедуры, с помощью которых разрешаются конфликты, выносятся решения о соперничающих высказываниях и вступают в силу ограничивающие решения. Политический авторитет в этой перспективе, в сущности, оказывается лингвистическим: во-первых, в том смысле, что политические функции определены и локализованы внутри рамок данного политического дискурса, во-вторых, потому, что их осуществление принимает форму отстаивания авторитетных определений тех понятий, которые располагаются внутри дискурса (Baker, 1990: 5–6).

Попробуем проанализировать дефиницию Бейкера *step by step*. Итак, политика — это «производство высказываний». Определение подразумевает, что основная задача политического деятеля — это разговор, общение с другими политиками или членами социума, создание текстов в разных жанрах, от интимного дневника до публичной речи в парламенте или выступления на митинге. Далее, у дискуссии в сфере политики

есть особое содержание, связанное с индивидуальной и социальной идентичностью человека. Смысл разговора — определить границы того политического сообщества, к которому каждый из нас принадлежит. В этом смысле политическая беседа — это всегда поиск определения нашего места в мире и государстве. Разговор ведется в двух плоскостях — личной и коллективной. Едва ли возможно предположить, что политическая дискуссия ставит вопрос лично о каждом гражданине страны: политики традиционно мыслят обобщающими категориями. Однако эта анонимность является мнимой. Парадокс в том, что политика, хотя и ведется во имя отдельных социальных или профессиональных сообществ, но в пределе касается каждого из нас, способна внести в нашу жизнь заметные перемены — к лучшему или к худшему.

Связывая воедино две человеческие идентичности — индивидуальную и общественную — политика максимально расширяет пространство своего влияния: местом ее артикуляции служат как парламент, так и кухня или курительная комната. Бейкер отмечает, что политика подразумевает конкуренцию, которая ведется на трех уровнях:

- ◇ между суждениями;
- ◇ между индивидами;
- ◇ между группами.

Для истории политических языков этот пункт имеет важное значение: состязательный элемент политики актуализирует понятие о контексте высказывания. Политическое говорение по определению не происходит в вакууме, но является реакцией на высказывание другого человека. Политическая речь соотносится с актуальной политической повесткой, трансляцией которой и занят политический язык, одновременно отсылая к общей письменной традиции высокой культуры и сложившемуся набору локальных институтов и норм. Покок оговаривает, что политик вынужден содержательно реагировать на острое полемическое высказывание другого, если только он «не сталинский бюрократ» (Покко, Бондаренко и Климова, 2015: 61), но даже и высшие советские чины 1930-х гг. действовали с оглядкой на слова вождя и других высокопоставленных сановников, стараясь соответствовать языковым конвенциям. Иначе говоря, мы можем постулировать и исследовать автономию языковой конвенциональной реальности, не утверждая ее универсальности для разных периодов и сообществ.

Итак, политический язык не возникает заново при очередном высказывании и не существует как универсальный язык политической теории. Язык локально задан в политической культуре в репликах союзников

и оппонентов каждого из политических агентов в сочетании с общей для сообщества традицией. Этот ход позволяет предположить, что в сложившемся языке или диалекте уже заложен набор стереотипических высказываний о политике — лингвистических матриц, которые мы используем для обсуждения границ социальных сообществ, одобряемого и неодобряемого поведения и самой природы политического.

Приведем пример. В XIX столетии (особенно в первой его половине) в России публично политика часто обсуждалась на языке Священного писания. Религиозное обоснование имперского суверенитета предопределило языковую практику: как сами представители власти, так и их оппоненты зачастую рассуждали в терминах божественного предназначения, а об обществе говорили в категориях коллективного спасения и индивидуальной нравственной эволюции. Параллельно формировался и марксистский социалистический дискурс, обладавший другой семантикой и видевший мир иначе (хотя наличие универсальных законов, по которым существует общество, постулировалось и здесь). В итоге после 1917 г. первый набор понятий из политики ушел, а второй утвердился в качестве парадигматического. Публицист в императорской или советской России по необходимости часто соотносил свою речь с устоявшейся языковой системой, она предстояла ему в качестве доминирующей.

Языковая ситуация в сегодняшней России не вернулась к традиции XIX в.: религиозный язык по-прежнему остается в забвении. Теоретически можно себе представить агента, мотивирующего реформы словами о Божьем промысле, однако едва ли он будет адекватно понят. Как мы уже сказали, в актуальном для сообщества языке уже задан набор выразительных средств, на котором нам свойственно говорить о политике. У каждого языкового пласта есть свой семантический ореол, а у слов — политическая история. Невозможно пользоваться старым советским термином «перестройка» и не вспоминать об относительно недавних реформах М. С. Горбачева, интерпретированных большинством населения как неудача.

Политический язык наделен избирательной памятью. В момент произнесения высказывания в языковом смысле политик всегда живет в двух измерениях: уникальной политической ситуации и пространстве конкретных событий и дискуссий, память о которых заключена в произносимых им словах, обращенных к аудитории. Сочетание двух

измерений мы будем называть *контекстом*. Контекст также изменчив — в нем нет ничего предзаданного и нормативного.

О РЕЖИМАХ ПУБЛИЧНОСТИ КАК ОСОБОМ КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Вернемся к определению политики как производства авторитетных высказываний. Важно, что политические заявления делаются с определенных позиций, придающих высказыванию легитимность. Политический язык не существует в отрыве от институтов публичного пространства, внутри которых реализует себя политическая деятельность. Иначе говоря, сила и эффективность высказывания зависит от ситуации говорения и статуса говорящего. Как мы уже сказали, политику всегда можно локализовать — она происходит в определенных местах, каждое из которых имеет свою историю и свои правила чтения и производства политических высказываний. Совокупность институтов, правил и практик, регулирующих обсуждение и полемику между людьми на локальном и национальном политических уровнях, мы будем называть режимами публичности.

Представим, что один и тот же политический тезис произносится человеком в рамках дружеского разговора, становится предметом газетной статьи или формулируется в публичном выступлении президента страны. Если мы хотим адекватно реконструировать смысл политического жеста, то в первом случае нам следует определить функции политической речи в частном пространстве. Если мы живем в демократическом обществе, то, скорее всего, высказывание не будет иметь для говорящего никаких последствий, но и его воздействие окажется ограниченным.

Во втором случае мы перемещаемся в публичную сферу. Прежде всего нам нужно восстановить контекст — иначе говоря, реконструировать полемику, разговор, дискуссию, в которой участвует автор, и понять, кому он отвечает, к кому обращается, в чем состоит его позиция и, главное, как он ее формулирует, какие слова и аргументы использует, на какие риторические конвенции опирается, к какой языковой и политической традиции примыкает. Кроме того, нам необходимо принять во внимание целый ряд факторов, которые, строго говоря, не относятся к плану содержания высказывания, но тем не менее без их учета характер политического действия окажется фундаментально непонятным. Речь идет о медийных характеристиках газеты: о тираже и аудитории печатного издания, влиятельности и репутации СМИ, фигурах его издателей и их политической ангажированности и пр. Кроме того, существенными будут сведения о политическом статусе масс-медиа в целом:

в какой мере они влияют на принятие управленческих решений, как устроен медиа-рынок, связан ли он с партийным, вождистским или «феодалным» устройством политического поля и т. д.

Наконец, в третьем случае — президентской речи, скорее всего, мы будем вынуждены констатировать весьма высокий статус ее воздействия на аудиторию. Другое дело, что для доказательства этого тезиса необходимо четко представлять себе политическую структуру государства, в котором действует (условный) президент. Существенно, идет ли речь о парламентской республике с президентом, исполняющим скорее представительские функции, или о правлении с сильной центральной властью, в которой президент фактически является источником политической инициативы. Не менее важно и то, как именно лидер обращается к нации, какими каналами он пользуется — в данный момент и в прошлом. При этом президент, нарушающий конвенции и ожидания аудитории, может быть оценен как несоответствующий своей высокой должности.

Описав структуру публичной сферы и локализовав в ней конкретное высказывание, мы сможем лучше представить себе смысл осуществляемого им политического действия. Мы установим источники легитимности политико-языкового жеста, поймем, откуда он черпает свой авторитет — как в чисто риторическом, так и в институциональном смысле. Высказывая схожие аргументы, Бейкер утверждает, что политический авторитет, по сути, является авторитетом лингвистическим: во-первых, потому что политика, интерпретированная как коммуникация, прежде всего пользуется языковыми средствами; во-вторых, основное свойство указанной коммуникации — это ее конфликтность: политика заключается в споре, полемике, отстаивании собственной позиции с помощью политико-языковых ресурсов.

Данное определение, на первый взгляд, можно упрекнуть в излишней ориентации на западноевропейскую политическую практику, действительно во многом связанную с ключевой ролью дискуссии в принятии государственных решений. Легко можно представить себе политическую систему, где роль парламента невелика или он отсутствует, а медиа (как бы численно они ни описывались) никак не воздействуют на правительство. Между тем приведенная выше дефиниция относится не к конкретным историческим конфигурациям функционирования политического поля, а к способу его лингвистического анализа. Исследователь постулирует два ключевых принципа интерпретации политических

феноменов: во-первых, это риторика, языки и символические практики, актуализованные в тот или иной момент времени в конкретном политическом пространстве; во-вторых, это система институтов и социальных ролей, легитимирующих саму политическую речь. Мы можем проблематизировать значимость публичной речи, сделав анализ публичных высказываний (и их различных жанров) частью исследования контекста коммуникации.

РЕЖИМЫ ПУБЛИЧНОСТИ И ТРИ УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мы можем, наконец, поставить вопрос о специфике тех источников и того политического поля, которое изучали представители Кембриджской школы. Речь идет преимущественно о текстах итальянской, английской и североамериканской истории в достаточно ограниченный временной период. Исходя из сказанного выше, отметим две характеристики, которые делают этот контекст адекватным «кембриджской» методологии: (а) люди, принимающие политические решения, как правило, сами являются авторами текстов в жанре политической философии и в достаточной мере знакомы с ее письменной традицией; (б) дискуссии и полемика, в том числе в письменной форме, составляют важную часть жизни политической элиты.

Кроме того, характерной альтернативой внутриэлитной дискуссии в британском духе оказывается «французская» модель, описанная А. де Токвилем (Токвиль, Виноградов, 2016). В этой ситуации те, кто принимает решения или влияет на их принятие (двор), и те, кто пишет тексты в жанре политической философии (образованная часть дворянства и третьего сословия), составляют две разные группы, коммуникация между которыми существенно ограничена. Результатом такого разделения оказывается «критика», которую можно противопоставить «дебатам». Политическая философия радикализуется. Во многом причина этого процесса заключается в том, что его протагонисты фактически непричастны выработке политических решений и компенсируют институциональную слабость резкостью собственных суждений. Политическая философия оказывается востребованной в периоды острых кризисов, вероятность возникновения которых возрастает под воздействием самой критики.

Появление феномена образованной и критически настроенной отечественной «интеллигенции» типологически также можно соотнести с «французской» моделью второй половины XVIII в. При этом, конечно,

кружки разночинцев, советские кухни, светские салоны и парижские кафе отличались по характеру и формам структурирования полемики и оказывали неодинаковое воздействие на политические коммуникации верхнего уровня. Более полное и адекватное описание специфики и эволюции режимов публичности в России в Новое и Новейшее время представляется важной частью истории политических языков.

Наконец, для полноты картины в дополнение к дискуссии политических акторов и высказываниям критически настроенной образованной публики мы можем выделить третий уровень политической коммуникации, исторически возникающий позже. Это уровень массовых коммуникаций: массовые газеты, радио, телевидение, кинотеатры, социальные сети, партийные структуры или Интернет-порталы. Здесь мы можем говорить как о возникновении феномена пропаганды в первой половине XX в. (асимметричная коммуникативная ситуация, ограничивающая обратную связь и, собственно, полемику), так и об относительно новом жанре острой полемики в социальных сетях (гораздо более равноправная, но конвенционально слабо структурированная ситуация). Наше разделение трех уровней коммуникации — политическая элита, критически настроенная образованная публика, массовые коммуникации — носит эвристический характер и, конечно, не задумано как универсальная схема описания исторического процесса. Нам важно, что контекст политической коммуникации в определенный исторический период может характеризовать как конкретную конфигурацию режимов публичности, включая цензуру и ее разнообразные формы (которые ограничивают свободу полемики, но не могут ее полностью исключить), так и институты трансляции письменной традиции в жанре политической философии.

Идеально-типический «кембриджский» контекст, с точки зрения режима публичности, может быть задан парадигматической ситуацией полемики молодых образованных джентльменов на семинаре в элитном университете. С большой вероятностью джентльмены уже прочитали общий корпус текстов, разделяют определенные каноны полемики и претендуют на позиции в парламенте или высшие посты на королевской службе. Такой режим публичности усиливает значение конвенций, внутри которых ведется такой спор, и повышает статус и вес публичных высказываний. С нашей точки зрения, это не обязательно критический аргумент против данного подхода (ср.: Хархордин, 2015), если мы включаем в анализ не только язык и авторские ходы, но и режим публичности. Poleмика людей, не имеющих политического веса, не знакомых с общим канонem и не разделяющих общую риторическую

культуру, будет существенно меньше ограничена конвенциями. Вместе с тем политическое значение таких публичных высказываний будет в целом ниже.

При этом, разумеется, мы также можем исследовать полемику рядовых граждан в социальных сетях с помощью «кембриджской» методологии, анализируя возможные общие идиомы и языковые ходы спорящих. Однако отсутствие каналов связи с «властью» и людьми, принимающими решения, плохое знакомство с каноническими текстами политической философии или слабость полемической культуры будут определять как качество и степень артикулированности самой дискуссии (что не исключает интересных и риторически богатых поединков в социальных сетях), так и ее воздействие на политические процессы и институты.

Итак, подход Кембриджской школы будет максимально адекватен господствующему типу политической коммуникации при наличии двух факторов: (а) знакомстве политической элиты с развитой письменной традицией политической философии (канон) и (б) наличии развитых институтов соревновательных дискурсивных практик. Русская интеллектуальная история в этом смысле, конечно, не всегда предлагала участникам идеально-типические условия академического спора на семинаре в Кембридже. Однако режимы публичности и соответствующие институты полемики, а также степень знакомства представителей политического руководства с письменной традицией политической философии в разные периоды за последние триста лет поражают скорее богатством и разнообразием, чем монотонностью.

Например, между 1985 и 1991 гг. в СССР сменилось минимум четыре разных режима публичности, которые радикально меняли значение и смысл политических высказываний с точки зрения их ожидаемого воздействия на политический процесс (Атнашев, 2018). В ходе подготовки перестроечных реформ роль ревизионистской политической философии, транслируемой личными помощниками генерального секретаря и выходцами из ведущих институтов марксизма-ленинизма, была очень высокой и во многом определяла общий вектор институциональных изменений (Атнашев, 2017). Во время вооруженного противостояния Верховного совета и президента несколько лет спустя философские аргументы значили гораздо меньше и почти не использовались даже для обоснования уже принятых решений. В этот период большая часть политической элиты была слабо знакома с письменной философской традицией, хотя свобода прессы — значимого института публичной полемики — достигла небывалого уровня. Так, пример перестройки демонстрирует, что

влияние «философов» на «короля» не является гарантией успешности принимаемых решений.

«Кембриджские» историки дискурса могли позволить себе не ставить вопрос об условиях значимости тех канонических текстов, которые они изучали. Мы предлагаем проблематизировать и дополнить метод за счет внимания к режимам публичности и степени знакомства и доверия элит к письменной традиции и политической теории.

ПОЛЕМИКА

В четвертом номере журнала «Логос» за 2018 г. напечатана статья Александра Павлова «Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах» (Павлов, 2018). Работа известного специалиста по политической философии посвящена истории Кембриджской школы и оценке перспектив использования ее методологии в России. В частности, автор подробно разбирает и наш методологический проект и приходит к весьма неутешительным для нас выводам. В целом, Павлову предложенная нами научная повестка, прежде намеченная в серии публикаций в журнале «Новое литературное обозрение», представляется неубедительной и малоперспективной, а главное, лишь косвенно связанной с основной проблематикой исследований Кембриджской школы. Появление полемической статьи — отличный повод более четко сформулировать наши теоретические принципы и попытаться дать им дополнительное обоснование. Попробуем переубедить внимательного и квалифицированного оппонента.

Прежде всего следует отметить, что статья Павлова вносит значимый вклад в процесс адаптации и контекстуализации Кембриджской школы в России. Так, например, автор подробно описывает ее интеллектуальные истоки, обращая внимания на важную роль в ее становлении Дж. Данна и эволюцию взглядов самих Скиннера и Покока на их методологическую программу (в частности, в отношении теории речевых актов Дж. Остина). Кроме того, Павлов описывает эвристическую ценность трех проектов по применению Кембриджской методологии для анализа текстов отечественной интеллектуальной традиции — «Нового литературного обозрения» (его представляют соавторы настоящей статьи), исследовательского центра «Res publica» в Европейском университете в Санкт-Петербурге и журнала «Логос». Работы ученых, связанных с Европейским университетом, представляются Павлову «куда более привлекательными», чем сочинения авторов этих строк (там же: 296).

Павлов усматривает в методологическом трансфере, предлагаемом нами, две фундаментальные трудности. Первая из них касается соотношения методов и практики самих представителей Кембриджской школы, вторая — того, как они используются в историографических работах. Основной тезис состоит в том, что такой трансфер «практически невозможен» (Павлов, 2018: 263). Дело в том, что, по мнению Павлова, Покок и Скиннер недостаточно последовательно реализуют собственные методологические установки. Так, ссылки на философию языка Остина оказываются скорее элементом научного «жаргона», нежели действительным развитием теории речевых актов. Дистанция между теорией и практикой не позволяет адекватно сформулировать методологические принципы «кембриджских» исследователей еще и потому, что разрыв приводит к порождению двух разных аспектов — декларируемой методологии и имплицитной политической повестки. Более того, проблема усугубляется тем, что позиция Скиннера менялась с годами: он все дальше отходил от теории речевых актов. Таким образом, вывести общий «кембриджский» метод из работ историков представляется Павлову не вполне корректным.

Гораздо более разумной научной стратегией, по мнению автора статьи, является следование «республиканской» линии у Скиннера и Покока — она лучше локализуется как большой исторический сюжет или нарратив. Павлов указывает на важность исходно подразумеваемых и затем декларируемых утверждений о значении республиканской традиции в оппозиции к господствующей «либеральной» идеологии, которые по существу относятся к политической философии «от первого лица». Таким образом, О. В. Хархордин и его коллеги более последовательно и осознанно продолжают идеологический проект Кембриджской школы, тогда как наша деятельность, предполагающая акцент именно на исторической и методологической, а не политфилософской компоненте, оказывается ставкой на более слабую лошадь.

Аргументы Павлова в целом представляются нам чрезвычайно взвешенными и требующими ответа. Прежде всего заметим, что мы смотрим на Кембриджскую школу из разных дисциплинарных перспектив: мы считаем себя прежде всего историками, Павлов (как нам представляется) — политическим философом. В частности, он пишет: «...в рамках политической философии работать сложнее, нежели с историческим материалом» (там же: 296). Наш опыт подсказывает обратное, но не в этом суть. Мы действительно не работаем в жанре политической философии, хотя и считаем, что наши исследования могут оказаться

полезными для общественных дискуссий о политике. И Покок, и Скиннер являются профессиональными историками, и мы думаем, что их научный *метод* вполне отделим от их политфилософской программы (это касается прежде всего текстов Скиннера). Тот факт, что одним из важных результатов применения метода стала реконструкция «забытой» республиканской традиции, не обозначает, что метод являлся способом реализовать политическую программу. Скиннер также известен демонстрацией фундаментальной важности осмысления последствий религиозных войн для становления современного понимания «государства», а Покок — в серии работ о Бёрке — показал значение английского прецедентного права. Оба этих сюжета не связаны с республиканской традицией, но основаны на применении «кембриджской» методологии.

Далее, выразим одно существенное несогласие: нам кажется, что автор статьи несколько переоценивает методологическую дивергенцию внутри Кембриджской школы. Понятно, что за сорок лет активной научной деятельности взгляды ее основных представителей менялись, однако школа продолжает существовать как бренд, а ее контекстуальный метод легко опознается в академическом пространстве. Разумеется, попытка методологической унификации ведет к определенному спрямлению более сложной и многогранной системы взглядов, однако общее направление «кембриджских» разысканий — установка Скиннера на реконструкцию авторской интенции и Покока на выявление политических языков — как кажется, являются достаточно устойчивыми и специфическими аспектами методологии, которой оба автора в основном следовали в своих наиболее влиятельных исторических работах. Наконец, заметим, что в методологии не действует принцип «последней авторской воли»: то обстоятельство, что Скиннер иначе сейчас описывает один из элементов собственной теоретической программы, не мешает нам обращаться к его ранним работам в поисках инструментов для анализа политических языков.

Нам представляется, что Павлов упустил из виду, по сути, наш главный методологический призыв. Мы убеждены, что аналитический и категориальный аппарат Кембриджской школы позволяет поставить вопрос об истории русских политических языков — научной традиции, все еще отсутствующей в России (не путать с историей понятий). Наш тезис состоит в том, что анализ политических языков, общие принципы которого очерчены выше, и авторских интенций возможен в любых обществах с письменной традицией обсуждения политики. В этой

перспективе мы оказываемся большими роялистами, чем сам король, поскольку Покок, Скиннер и их коллеги никогда не интересовались текстами, не принадлежавшими к итальянской, западноевропейской или американской политической философии. Мы же считаем, что описанные методы и установки могут применяться и к материалу, имеющему иное происхождение.

Более того, попытка найти в России «республиканскую традицию» (действительно, важнейший предмет исследований Кембриджской школы на западноевропейском и североамериканском материале) кажется менее очевидной именно потому, что результат поиска оказывается заявлен в начале проекта. При этом декларированная центром «Res Publica» телеологичность вовсе не обесценивает качество, собственно, исторических работ. Наличие идеологической программы автоматически не дискредитирует метод и не свидетельствует о его отсутствии. Однако нам представляется, что сходным образом можно изучать не только республиканский дискурс, но и другие формы и традиции политической речи, что хорошо видно и в работах самих кембриджских историков. Напомним только, что темой диссертации Покока была реконструкция значения традиции обычного права и соответствующего языка для английской историографии и политической философии Нового времени (см., в частности, перевод статьи Покока о Бёрке в настоящем номере журнала).

Скиннер и Покок предложили методологию исторически точной реконструкции исходных намерений, воплощенных в классических и менее известных текстах, не отнимая у исследователя права на философские высказывания и идеологические предпочтения, но предлагая сделать их более осознанными. Мы также надеемся, что настоящий текст, сборник, посвященный Кембриджской школе, подготовленный нами к печати в издательстве «Новое литературное обозрение», и, главное, новые исторические исследования на отечественном материале позволят уточнить наше суждение о методе Кембриджской школы и его применимости.

Существенно, что наша задача никогда не сводилась к тому, чтобы буквально воспроизводить кембриджскую аргументацию. Наоборот, последняя служит отправной точкой для дальнейших рассуждений о политическом, предполагающих и отход от «кембриджских» принципов, — например, введение социологического по своему характеру понятия «режимы публичности». Учет социальных предпосылок и условий политической значимости письменной полемики в жанре политической философии дополняет инструментарий Кембриджской школы,

для которой такая значимость не была очевидной. В этом смысле нам не кажется продуктивным скрупулезный подсчет ссылок на Покока и Скиннера в наших работах, как это делает Павлов (Павлов, 2018: 293). Людям, воспитанным на позднем марксизме-ленинизме, такой критики, конечно, недостаточно.

Представляется важным содержательное суждение о методологическом характере представленных в блоках «Нового литературного обозрения» исследований по русской интеллектуальной истории. Часть работ (прежде всего, авторов этих строк) ближе к кембриджскому образу, а часть — дальше. Впрочем, это вопрос формальности: скажем, известный историк Екатерина Правилова не относит себя к последователям Кембриджской школы, но на практике реализует близкую ей методологию. Не претендуя на научную правоверность, мы хотим обратить внимание на самое важное, с нашей точки зрения, обстоятельство. Исследовательский фокус на диалектическом напряжении между специфическими для каждого текста идиомами или языками (Покок) и на индивидуальных авторских интенциях и инновациях внутри этого языкового контекста (Скиннер) как на привилегированном способе прочтения политфилософских текстов прошлого выделяет и объединяет работы коллег, опубликованные в «Новом литературном обозрении», с методологическими и собственно историческими работами классиков англоязычной «школы».

ЛИТЕРАТУРА

- Атнашев Т. М.* Утопический консерватизм в эпоху поздней Перестройки: отпуская вожжи истории // Социология власти. — 2017. — № 2. — С. 12–52.
- Атнашев Т. М.* Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу / под ред. Т. М. Атнашева, М. Б. Велижева, А. Л. Зорина. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 189–243.
- Атнашев Т. М., Велижев М. Б.* «Context Is King»: Джон Покок — историк политических языков // Новое лит. обозрение. — 2015. — Т. 134. — С. 21–44.
- Атнашев Т. М., Велижев М. Б.* 19 коротких интервью со славистами о slavery studies и крепостном праве // Новое литературное обозрение. — 2016. — Т. 141. — С. 150–187.
- Атнашев Т. М., Велижев М. Б.* История политических языков и режимы личности. От составителей // Новое литературное обозрение. — 2018. — Т. 151. — С. 134–142.

- Бугров К. Д.* Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 19, № 1. — С. 160–176.
- Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016.
- Велижнев М. Б.* Чаадаев и официальный национализм // Чаадаев против национализма / под ред. М. Б. Велижева. — М. : Common place, 2018. — С. 6–50.
- Европейские судьбы концепта культуры (Россия, Германия, Франция, англоязычный мир) / под ред. Е. Дмитриевой [и др.]. — М. : ИМЛИ РАН, 2011.
- Золян С. Т.* Язык политики или язык в политической функции? // Полития. — 2018. — № 3. — С. 31–49.
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2006.
- История понятий, история дискурса, история метафор : пер. с нем. / под ред. В. С. Дубиной. — М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- Как мы пишем историю? / под ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименовой. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2013.
- Красин Ю. А.* Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Полития. — 2004. — № 3. — С. 5–23.
- Маккლოსки Д.* Риторика экономической науки / под ред. Д. Раскова ; пер. с англ. О. Якименко. — 2-е изд. — М., СПб. : Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.
- Марасинова Е. Н.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XIX века : очерки истории общественного сознания. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. — М. : Языки славянских культур, 2009.
- Павлов А. В.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. — 2018. — № 4. — С. 263–303.
- Покок Д. Г. А.* The State of the Art / пер. с англ. А. Бондаренко, У. Климовой // Новое литературное обозрение / под ред. Е. С. Островской. — 2015. — Т. 134. — С. 45–74.
- Понятия о России: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. — М. : Новое литературное обозрение, 2012.
- «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова. — М. : Справедливый мир, 2011.
- Публичная сфера: теория, методология, кейс стади / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. — М. : Вариант, ЦСПГИ, 2013.
- Роштин Е. Н.* История понятий Квентина Скиннера // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 3. — С. 150–158.

- Синдром публичной немоты. История и современные практики публичных дебатов в России / под ред. Н. Б. Вахтина, Б. М. Фирсова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / сост. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон. — М. : НЛЮ, 2016.
- Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. — Челябинск : Энциклопедия, 2011.
- Тимофеев Д. В.* Методология «истории понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2015. — Т. 50. — С. 116–138.
- Тимофеев Д. В.* Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое. — 2016. — № 4. — С. 155–168.
- Токвиль А. де.* Старый порядок и революция / пер. с фр. П. Г. Виноградова. — 6-е изд. — М., Челябинск : Социум, 2016.
- Топычанов А. В.* История понятий как политологическая дисциплина (к выводу перевода словаря основных исторических понятий) // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 3. — С. 181–191.
- Хархордин О. В.* Основные понятия российской политики. — М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- Хархордин О. В.* Интервью с Олегом Хархординым // Новое литературное обозрение. — 2015. — Т. 134. — С. 119–132.
- Что такое республиканская традиция / под ред. О. В. Хархордина. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.
- Эволюция понятий в свете истории русской культуры / под ред. В. М. Живова, Ю. В. Кагарлицкого. — М. : Языки славянской культуры, 2012.
- Baker K. M.* Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- French and Russian in Imperial Russia : in 2 vols. / ed. by D. Offord [et al.]. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2015.
- Paperno I.* The Liberation of the Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. — 1991. — Vol. 50, no. 4. — P. 417–436.
- Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. — 1969. — Vol. 8, no. 1. — P. 3–53.
- Wortman R. S.* The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History. Charismatic Words from the Eighteenth to the Twenty First Centuries. — London, New York : Bloomsbury Academic, 2018.

Atnashev, T. M., and M. B. Velizhev. 2018. "Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii [History of Russian Political Languages]: k metodologii issledovatel'skoy programmy [Introducing Methodology of a Research Program]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (3), 107–137.

ATNASHEV TIMUR MIKHAYLOVICH

PHD, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES; SENIOR RESEARCHER AT THE SCHOOL OF PUBLIC POLICY IN THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW

VELIZHEV MIKHAIL BRONISLAVOVICH

PHD IN PHILOLOGY, PROFESSOR AT THE PHILOLOGY SCHOOL IN THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

HISTORY OF RUSSIAN POLITICAL LANGUAGES INTRODUCING METHODOLOGY OF A RESEARCH PROGRAM

Abstract: This article presents methodological foundations for the history of Russian political languages. Authors draw on the key insights of the Cambridge school of intellectual history while highlighting some new methodological moves based on applying this approach to the studies of the Russian history. The article provides definitions of the key methodological concepts and reviews selected illustrative cases from the Russian and Western history. In general the history of political philosophy in this perspective combines two imperatives: (a) privileged attention to available (sub)languages and idioms of the given period; (b) analysis of authors' intentions and rhetoric moves in the historical context, framed by linguistic conventions and discourses of other participants in the debate. While applying this methodology to the Russian past (and present) we have identified several relevant issues which were mostly taken for granted by the main founders of the Cambridge school: the degree of familiarity and trust of the ruling elites with the written tradition of the political philosophy; institutions of public debate; and, finally, regimes of publicity structuring political discussions.

Keywords: Cambridge School of Intellectual History, Q. Skinner, J. G. A. Pocock, History of the Russian Political Languages, Regimes of Publicity.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-107-137.

REFERENCES

- Atnashev, T. M. 2017. "Utopicheskiy konservatizm v epokhu pozdney Perestroiki: otpuskaya vozvzhi istorii [Utopian Conservatism during the Late Perestroika: Loosening the Reins of History]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, no. 2: 12–52.
- . 2018. "Istoricheskiy put', vybor i al'ternativy v politicheskoy mysli perestroiki okolo 1988 goda [Historical Path, Choice and Alternatives in the Political Thought of Perestroika in 1988]" [in Russian]. In "*Osobyi put'*": ot ideologii k metodu ["A Special Path": From Ideology to Methodology], ed. by T. M. Atnashev, M. B. Velizhev, and A. L. Zorin, 189–243. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Atnashev, T. M., and M. B. Velizhev. 2015. "'Context Is King': Dzhon Pokok — istorik politicheskikh yazykov ['Context Is King': John Pocock — Historian of Political Language]" [in Russian]. *Novoye lit. obozreniye [New Literary Observer]* 134:21–44.

- . 2016. “19 korotkikh interv’yu so slavistami o slavery studies i krepostnom prave [Nineteen Short Interviews with Slavacists on Slavery Studies and Serfdom]” [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 141:150–187.
- . 2018. “Istoriya politicheskikh yazykov i rezhimy publichnosti. Ot sostaviteley [History of Political Languages and Regimes of Publicity. From the Guest Editors]” [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 151:134–142.
- Baker, K. M. 1990. *Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bugrov, K. D. 2017. “Instrumentariy istorii ponyatiy i yego primeneniye v izuchenii politicheskoy istorii Rossii XVIII v. [Applying the Methods of the History of Concepts to the Study of Eighteenth Century Russia’s Political History]” [in Russian]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities]* 19 (1): 160–176.
- Bugrov, K. D., and M. A. Kiselev. 2016. *Yestestvennoye pravo i dobrodetel’. Integratsiya yevropeyskogo vliyaniya v rossiyskuyu politicheskuyu kul’turu XVIII veka [Natural Law and Virtue. The Integration of European Influence into Eighteenth Century Russian Political Culture]* [in Russian]. Yekaterinburg: Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta.
- Dmitriyeva, Ye., et al., eds. 2011. *Yevropeyskiye sud’by kontsepta kul’tury (Rossiya, Germaniya, Frantsiya, angloyazychnnyy mir) [European History of the Concept of Culture (Russia, Germany, France, Anglophone World)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IM-LI RAN.
- Dubina, V. S., ed. 2010. *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor [History of Concepts, History of Discourses, History of Metaphors]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Garret, G., G. Dyufu, and L. Pimenova, eds. 2013. *Kak my pishem istoriyu? [How Do We Write History?]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Istoricheskiye ponyatiya i politicheskiye idei v Rossii XVI–XX veka [Historical Concepts and Political Ideas in Russia: Sixteenth to Twentieth Centuries]* [in Russian]. 2006. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge / Aleteyya.
- Kharkhordin, O. V., ed. 2002. *Ponyatiye gosudarstva v chetyrekh yazykakh [Concept of the State in Four Languages]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Yevropeyskiy un-t v Sankt-Peterburge, Letniy sad.
- , ed. 2009. *Chto takoye respublikanskaya traditsiya [What Does Republican Tradition Mean?]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- . 2011. *Osnovnyye ponyatiya rossiyskoy politiki [Key Concepts of the Russian Politics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2015. “Interv’yu s Olegom Kharkhordinyim [Interview with Oleg Kharkhordin]” [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 134:119–132.
- Krasin, Yu. A. 2004. “Publichnaya sfera i publichnaya politika v rossiyskom izmerenii [Public Sphere and Public Policy in Russia]” [in Russian]. *Politiya [Politeia]*, no. 3: 5–23.
- Makkloski, D. [McCloskey, D.] 2015. *Ritorika ekonomicheskoy nauki [The Rhetoric of Economics]* [in Russian]. 2nd ed. Ed. by D. Raskov. Trans. from the English by O. Yakimenko. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo Instituta Gaydara / Mezhdunarodnyye otnosheniya / Fakul’tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU.
- Marasinova, Ye. N. 2017. “Zakon” i “grazhdanin” v Rossii utoroj poloviny XIX veka [“Law” and “Citizen” in Russia in the Second Half of the Eighteenth Century]: ocherki istorii

- obshchestvennogo soznaniya [A History of Public Opinion]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Offord, D., et al., eds. 2015. *French and Russian in Imperial Russia*. 2 vols. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Paperno, I. 1991. "The Liberation of the Serfs as a Cultural Symbol." *The Russian Review* 50 (4): 417-436.
- Pavlov, A. V. 2018. "Priklucheniya metoda: Kembridzhskaya shkola (politicheskoy mysli) v kontekstakh [Adventures of a Method. Cambridge School (of Political Thought) in Contexts]" [in Russian]. *Logos*, no. 4: 263-303.
- Plotnikov, N. S., ed. 2011. "*Pravda*": *diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii* ["*Pravda*" (*Truth*): *Discourses of Justice in Russian Intellectual History*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Spravedlivyy mir.
- Pokok, Dzh. G. A. [Pocock, J. G. A.] 2015. "The State of the Art" [in Russian], ed. by Ye. S. Ostrovskaya. Trans. from the English by A. Bondarenko and U. Klimova. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]* 134:45-74.
- Ponyatiya o Rossii: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda [Concepts of Russia: On the Historical Semantics in Imperial Period]* [in Russian]. 2012. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Roshchin, Ye. N. 2006. "Istoriya ponyatii Kventina Skinnera [Quentin Skinner's History of Notions]" [in Russian]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya [Polis. Political Studies]*, no. 3: 150-158.
- Skinner, Q. 1969. "Meaning and Understanding in the History of Ideas." *History and Theory* 8 (1): 3-53.
- Timofeyev, D. V. 2011. *Yevropeyskiye idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka [European Ideas in Social and Political Lexicon of an Educated Russian Subject in the First Quarter of Nineteenth Century]* [in Russian]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
- . 2015. "Metodologiya 'istorii ponyatii' v kontekste istorii dorevolutsionnoy Rossii: perspektivy i printsipy primeneniya [Methodology of the History of Concepts in the Context of the History of Pre-Revolutionary Russia: Prospects and Application of Principles]" [in Russian]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii [Dialogue with Time. Intellectual History Review]* 50:116-138.
- . 2016. "Metodologiya 'istorii ponyatii': ot teorii k praktike issledovaniya istorii obshchestvennoy mysli Rossii pervoy chetverti XIX veka [Methodology of 'History of Concepts': From Theoretical to a Practical Study of Social Thought History in Russia in Early Nineteenth Century]" [in Russian]. *Novoye proshloye [The New Past]*, no. 4: 155-168.
- Tokvil', A. de [Tocqueville, A. de]. 2016. *Staryy poryadok i revolyutsiya [L'ancien Régime et la Révolution]* [in Russian]. 6th ed. Trans. from the French by P. G. Vinogradov. Moskva [Moscow] and Chelyabinsk: Sotsium.
- Topychkanov, A. V. 2016. "Istoriya ponyatii kak politologicheskaya distsiplina (k vykhodu perevoda slovary osnovnykh istoricheskikh ponyatii) [History of Concepts as a Political Science Discipline (On Publication of Russian Translation of 'Geschichtliche Grundbegriffe')]" [in Russian]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya [Polis. Political Studies]*, no. 3: 181-191.
- Vakhtin, N. B., and B. M. Firsov, eds. 2017. *Sindrom publichnoy nemoty. Istoriya i sovremennyye praktiki publichnykh debatov v Rossii [Syndrom of Public Muteness. History and Contemporary Practices of Public Debates in Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

- Velizhev, M. B. 2018. "Chaadayev i ofitsial'nyy natsionalizm [Chaadaev and Official Nationalism]" [in Russian]. In *Chaadayev protiv natsionalizma [Chaadaev against Nationalism]*, ed. by M. B. Velizhev, 6–50. Moskva [Moscow]: Common place.
- Wortman, R. S. 2018. *The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History. Charismatic Words from the Eighteenth to the Twenty First Centuries*. London and New York: Bloomsbury Academic.
- Yarskaya-Smirnova, Ye. R., and P. V. Romanov, eds. 2013. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi [Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Variant / TsSPGI.
- Zaretskiy, Yu., K. Levinson, and I. Shirle, comps. 2016. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy [Geschichtliche Grundbegriffe]: izbrannyye stat'i [Selected Articles]* [in Russian]. Trans. from the German by K. Levinson. 2 vols. Moskva [Moscow]: NLO.
- Zhivov, V. M., ed. 2009. *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni [Essays on Historical Semantics of Russian Language in Early Modern Period]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Zhivov, V. M., and Yu. V. Kagarlitskiy, eds. 2012. *Evolyutsiya ponyatiy v svete istorii russkoy kul'tury [The Evolution of Concepts in the Context of Russian Cultural History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zolyan, S. T. 2018. "Yazyk politiki ili yazyk v politicheskoy funktsii? [Language of Politics or Language in a Political Function?]" [in Russian]. *Politiya [Politeia]*, no. 3: 31–49.